МИНИСТР ВОЗРОЖДАВШЕГОСЯ ФЛОТА И ЕГО МЕМУАРЫ

Эпилог

Всегда любимая, всегда дорогая, о Россия, иногда вспоминай о нем, кто так много думал о тебе.
Эпитафия на могиле И. К. Григоровича

Февральская революция оборвала блестящую военную карьеру 64-летнего генерал-адъютанта, члена Государственного совета, кавалера многих российских и иностранных орденов, морского министра адмирала И. К. Григоровича.

27 февраля 1917 г. члены Совета Министров России собрались на свое последнее заседание в Мариинском дворце. Решили было направить Николаю II в Могилев телеграмму, где указать, что Совет Министров не может справиться с создавшимся в стране положением и предлагает себя распустить, назначив председателем лицо, пользующееся общим доверием, и составить «ответственное министерство» [1, с. 72]. В тот день, как вспоминает А. Блок, все министры «ходили растерянные, ожидая ареста».

С 28 февраля они действительно начались. Многие министры, в том числе и председатель Совета Министров князь Н. Д. Голицын, были заключены в Петропавловскую крепость. Иван Константинович избежал этой участи, он лежал в постели с гриппом, как тогда говорили — инфлюэнцией, и высокая температура, по-видимому, разжалобила революционных матросов. Но у него в квартире в здании Главного Адмиралтейства произвели обыск и изъяли личные и служебные документы.

22 марта он получил официальное письмо нового военного и морского министра Временного правительства А. И. Гучкова, в котором говорилось о «желательности подачи прошения об отставке». Вскоре последовал и приказ об увольнении в отставку «по расстроенному здоровью, с мундиром и пенсиею» [2, л. 22].

Таким образом, И. К. Григорович возглавлял Морское министерство в течение шести лет, оказавшись вместе с министром финансов П. Л. Барком одним из двух министров русского правительства, пережившим «министерскую чехарду» последних лет правления Романовых.

4 марта 1917 г. Временным правительством при Министерстве юстиции была создана «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц» под председательством московского присяжного поверенного (адвоката), члена партии кадетов Н. К. Муравьева. В состав комиссии вошли два товарища председателя и несколько членов, секретарем комиссии стал А. Блок. Она просуществовала до Октябрьского переворота. Ее деятельность заключалась в допросах высших чиновников (министров, их товарищей, сенаторов, губернаторов, директоров департаментов и др.), генералов, придворных лиц, некоторых лидеров политических партий (последних как свидетелей). Большую сенсацию вызвали допросы А. Д. Протопопова, Б. В. Штюрмера, М. М. Андронникова, А. А. Вырубовой, а также некоторых деятелей политического сыска. Допросы тщательно стенографировались, а затем были изданы как «Стенографические отчеты».

Следствие по делу И. К. Григоровича, который также был привлечен Следственной комиссией для расследования злоупотреблений в Морском министерстве, вел судебный следователь Е. П. Воронов, обосновавшийся на Моховой ул., 34 [3, с. 82].

Назначение И. К. Григоровича на пост морского министра в свое время вызвало немало разговоров, в частности, известный государственный деятель России С. Ю. Витте писал по этому поводу: «Говорят, что

Продолжение. Начало см. в № 1—4 за 1990 г. и в № 1—3 за 1991 г.

Восточное крыло здания Главного адмиралтейства, где находились служебные помещения (приемная, кабинет, зал заседаний Адмиралтейств-Совета, библиотека и др.) и квартира морского министра: 2-й этаж, слева направо. (Современный снимок В. А. Баштаевой)

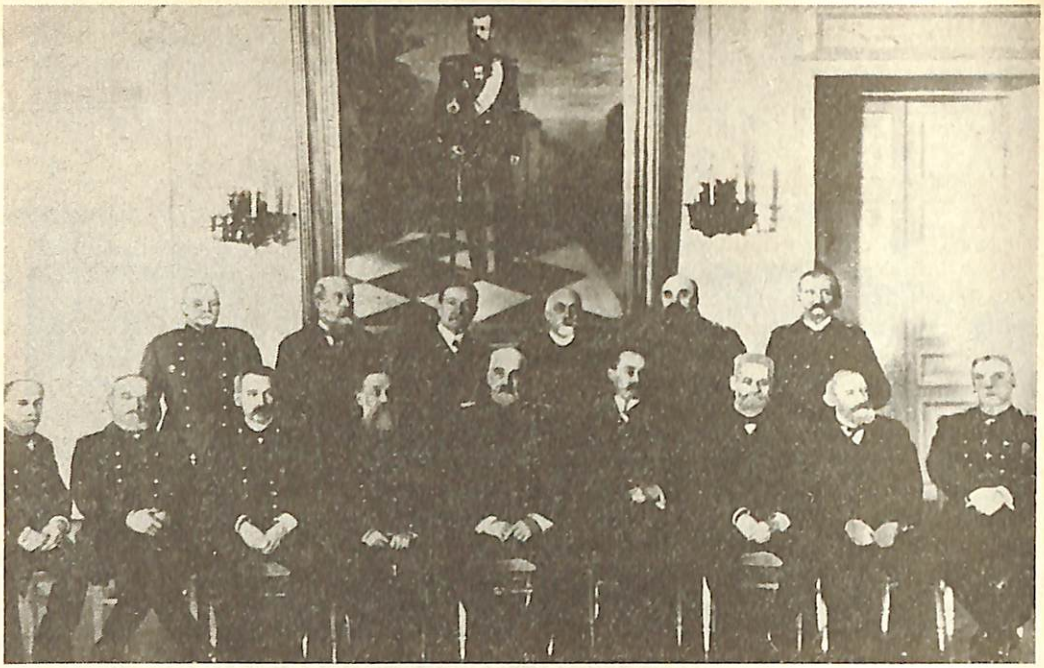
будто бы Григорович ведет все дело весьма рискованно, что все его обещания и проекты в конце концов не будут выполнены, что, между прочим, теперь в Морском министерстве водворилось такое взяточничество, какого прежде никогда не было; но все это пока одни разговоры» [4, с. 551—552].

О том, насколько были выполнены запланированные программы судостроения, уже говорилось, а как обстояло дело со взяточничеством, воровством и коррупцией в Морском министерстве? Справедлива ли кличка «Вор Ворович», которую тщетно пытались присвоить И. К. Григоровичу его ярые противники? Об этом, в частности, упоминает и К. Ф. Шацилло в своей книге «Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны» [5, с. 302].

Совершенно очевидно, что все эти негативные явления имели место в Морском министерстве. Хорошо известны и их причины, а именно существовавшая тогда система распределения военных заказов между русскими и заграничными судостроительными заводами и предприятиями, дававшая широкий простор для подкупа и взяток в условиях самодержавной власти. Но был ли И. К. Григорович в состоянии бороться и был ли он сам к этому причастен? На первый вопрос можно сразу же ответить отрицательно, хотя он и навел порядок в Морском министерстве, сумел организовать его ритмичную работу, добился увольнения со службы наиболее одиозных фигур, в том числе вице-адмирала М. Н. Бубнова, замешанного в крупных биржевых спекуляциях. Доказать личную заинтересованность министра в выдаче заказов тому или иному исполнителю следствию, естественно, не удалось. Тем не менее И. К. Григоровичу принесло немало неприятностей, как говорилось в следственных документах, «сильное расположение», которое он питал в свое время к котлам Долголенко — Бельвиля. Его пытались обвинить в получении крупной взятки от фирмы «Делонэ — Бельвиль» за предоставление ей возможности принять участие в строительстве легких крейсеров типа «Адмирал Нахимов» на Черном море, в частности поставки на эти корабли котельных установок системы Бельвиля, но дело прекратили за недоказанностью этих обвинений, тем более что в конце концов котлы Бельвиля были заменены котлами Ярроу. В остальном И. К. Григорович выступал как свидетель [6].

Оставив после ухода в отставку казенную квартиру в здании Главного Адмиралтейства, где помещалось Морское министерство, И. К. Григорович с младшей дочерью Натальей поселился вначале в гостинице «Астория», а затем съехался с семьей своего зятя, бывшего директора Морского корпуса вице-адмирала Виктора Андреевича Карцова, женатого на старшей дочери Марии. Вместе они сняли квартиру на Надеждинской ул. (ныне ул. Маяковского).

С началом работы Морской исторической комиссии (Морискома) по обобщению опыта первой мировой войны и боевых действий на море И. К. Григорович был включен в ее состав в качестве научного



И. К. Григорович с группой сослуживцев (последний снимок в должности морского министра, 1916 г.). Из фондов ЦГАКФФД в Ленинграде.

сотрудника и стал числиться советским служащим, что давало возможность получать скудный продуктовый паек. Зимой 1920 г. из-за отсутствия дров пришлось на несколько месяцев переехать на Петроградскую сторону в квартиру академика А. Н. Крылова, с которым Ивана Константиновича связывали близкие отношения еще с 1909 г. Вспоминая это нелегкое время, Алексей Николаевич писал: «Зимой 1920—1921 гг. жил у меня И. К. Григорович, ибо у меня были дрова, а у него не было» [7, с. 168].

Чтобы не умереть с голоду, Ивану Константиновичу пришлось обратиться к своему старому увлечению — живописи. Талант рисовальщика был присущ многим Григоровичам. Дядя Ивана Константиновича Василий Иванович Григорович был профессиональным художником и занимал должность конференц-секретаря Академии художеств. Сам И. К. Григорович любил писать маслом военные корабли, морские пейзажи с парусниками, побережья с бухтами и гаванями. Это были небольшие изящные миниатюры, три из которых хранятся сейчас в фондах ЦВММ. Прекрасно рисовала и даже хотела поступить в Академию художеств младшая дочь Наталья Ивановна (Туля-старшая), но родители не дали на это согласия, так как там нужно было рисовать обнаженную натуру, в том числе и мужчин.

Но в 20-е годы было не до марин, и Иван Константинович принялся рисовать торты и другие сласти для витрин кондитерской «Ла Гурмэ» на углу Невского и Литейного, а внучка, Туля-младшая (Наталья Викторовна), относила их владельцу магазина.

В этих нечеловечески трудных условиях жизни и быта Иван Константинович работал над своими мемуарами «Воспоминания бывшего морского министра». Только кружевной почерк адмирала временами выдавал, как стыли руки в нетопленной квартире, как болела нога, поврежденная при падении на улице в результате голодного обморока. Он мысленно возвращался в недалекое прошлое, когда строился флот, один за другим вступали в строй новые боевые корабли, и это каким-то образом на время отвлекало от суровой действительности, от постоянно мучившего чувства голода.

К 1923 г. работа над мемуарами была закончена. В целом они состоят из двух частей. Первая часть охватывает период 1853—1909 гг. и включает следующие разделы: 1. Жизнь в семье; 2. Начало моей службы; 3. Служба офицером; 4. В Порт-Артуре; 5. Служба до назначения в Морское министерство.

Вторая часть мемуаров, охватывающая период 1909—1917 гг., посвящена строительству флота накануне и во время первой мировой войны. Именно эта часть, представляющая наибольший интерес для истории отечественного судостроения, и опубликована нами.

В предисловии к первой части Иван Константинович пишет: «Закончив свою служебную деятельность в 1917 г. по случаю революции, я решил написать о моей жизни и службе во флоте» [8, л. 1]. Поэтому совершенно очевидно, что автор трудился над мемуарами в период между увольнением в отставку в марте

1917 г. и отъездом за границу на лечение осенью 1924 г. Далее он продолжает: «К сожалению, мне приходится писать все по памяти, так как мои дневники, которые я вел с 1893 г., пропали во время революции, при выемке у меня бумаг из квартиры министра. Не знаю кому они понадобились, вероятно, кто-то соблазнился дорогими переплетами. Один из бюваров, находившийся на сохранении у моих сослуживцев, пропал при оставлении Либавы» [там же].

После увольнения в отставку И. К. Григорович, как уже говорилось, работал в качестве научного сотрудника в Морискоме, а затем старшим архивариусом в Морском архиве (ныне ЦГАВМФ), что, безусловно, позволило ему беспрепятственно пользоваться всеми необходимыми документами. Вероятно, запись в «Воспоминаниях», приведенная нами выше, сделана автором до того, как он получил возможность пользоваться документами в Морском архиве.

Удалось также установить и некоторые сведения об участи личного архива И. К. Григоровича, частично уцелевшего после «выемки» в феврале 1917 г. Внучка адмирала Наталья Викторовна Ларина (урожденная Карцова), которой к моменту отъезда И. К. Григоровича за границу было уже 13 лет, прекрасно помнит, что в коридоре их квартиры на Надеждинской улице стоял большой сундук, в котором дед хранил свои документы, ордена и некоторые личные вещи.

После ареста ее отца В. А. Карцова, матери М. И. Карцовой (урожденной Григорович) и брата Андрея в конце декабря 1930 г. весь оставшийся архив деда был конфискован работниками НКВД и бесследно исчез. Однако в 1937 г., как следует из документов ЦГАВМФ, неизвестный фондообразователь, а им по логике вещей мог быть только НКВД, сдал в ЦГАВМФ 47 кг бумаг И. К. Григоровича, из которых и был образован фонд морского министра № 701. Это позволяет сделать вывод о широком использовании автором служебных документов и оставшейся части личного архива, что еще больше повышает ценность «Воспоминаний» И. К. Григоровича и позволяет рассматривать их в качестве научного источника.

Но здоровье Ивана Константиновича, уже достаточно расстроенное напряженной работой в Морском министерстве, под влиянием навалившихся разом жизненных неурядиц продолжало ухудшаться. Головные боли, мучившие его и ранее, обострились. Доктор К. П. Герцог, старший врач 2-го Балтийского флотского экипажа и учреждений Морского министерства, постоянно лечивший Ивана Константиновича, посоветовал обратиться к профессору М. И. Аствацатурову [9], известному в Петрограде специалисту по нервным болезням, начальнику кафедры нервных болезней Военно-медицинской академии. Диагноз, поставленный Аствацатуровым, не принес утешения — опухоль головного мозга, необходима сложная операция по ее удалению с обязательной трепанацией черепа. Сделать такую операцию в холодном и голодном Петрограде при полном отсутствии лекарств было невозможно. Оставался единственный выход — попытаться выехать за границу.

В конце 1922 г. Иван Константинович начал оформлять документы для выезда за границу на лечение. Их перечень довольно велик, если учесть еще требование обязательно иметь два поручительства. Поручателей рекомендовалось выбирать из числа членов РКП(б). Их подписи заверялись партийными комитетами по месту службы. Кроме того, в случае выезда по болезни требовалось заключение врачебно-контрольной комиссии Наркомздрава. Если к тому же принять во внимание, что в дензнаках того времени бланк заявления стоил 1,1 млн. руб., бланк поручительства — 6 млн. руб., обследование у врача — 30 млн. руб., а заграничный паспорт — 250 млн. руб., можно себе представить, насколько трудной была процедура выезда. Оформленные документы сдавались в Петроградский губернский отдел Управления НКВД, который по своему усмотрению выдавал или не выдавал разрешение на выезд за границу. Получив разрешение, отъезжающий должен был написать еще одно заявление, на этот раз в Наркоминдел, и вместе с тремя фотографиями и квитанцией об уплате за паспорт сдать все документы в Смольный (в комнату № 45) для отсылки в Москву, после чего начиналось томительное ожидание получения заграничного паспорта [10].

Но труд и время, затраченные на оформление этого огромного количества документов, пропали даром. 14 апреля 1924 г. Иван Константинович получил в Петроградском губернском отделе Управления НКВД РСФСР ответ на свое заявление, что в выезде за границу ему отказано [11].

22 мая 1924 г. И. К. Григорович обратился в письменной форме за содействием к начальнику штаба Морских Сил РСФСР А. В. Домбровскому, который хорошо знал и глубоко уважал Ивана Константиновича. Трудно без боли читать это письмо старого больного адмирала, полное горести и страдания [12].

Вскоре благодаря помощи А. В. Домбровского вопрос о выезде за границу на лечение был решен положительно, и осенью 1924 г. И. К. Григорович, как потом оказалось навсегда, покинул родину. После операции Иван Константинович поселился на юге Франции в небольшом курортном городке Ментона департамента Приморских Альп, расположенном между Монте-Карло и Сан-Ремо близ границы с Италией. Богатая субтропическая растительность, мягкий и сухой климат, голубое море придают этому уголку французской Ривьеры особое очарование. Расположенная амфитеатром у небольшого залива, разделенного отмелью с небольшой скалой на две части, среди апельсиновых и лимонных рощ, защищенная высокими горами от северных ветров Ментона стала последним прибежищем старого адмирала. Иван Константинович снимал квартиру в частном пансионе по адресу Виктория Парк, авеню Буайе.

Как уже говорилось, И. К. Григорович был неплохим рисовальщиком, но никогда не придавал этому

Начальник штаба Морских сил Республики А. В. Домбровский. (Из фондов ЦВММ).

серьезного значения. Трудно, конечно, было предположить, что именно талант рисовальщика станет единственным средством существования бывшего морского министра России, доживающего свой век на чужбине.

Иван Константинович умер у себя дома 3 марта (18 февраля) 1930 г. в возрасте 77 лет, прожив во Франции всего лишь 6 лет.

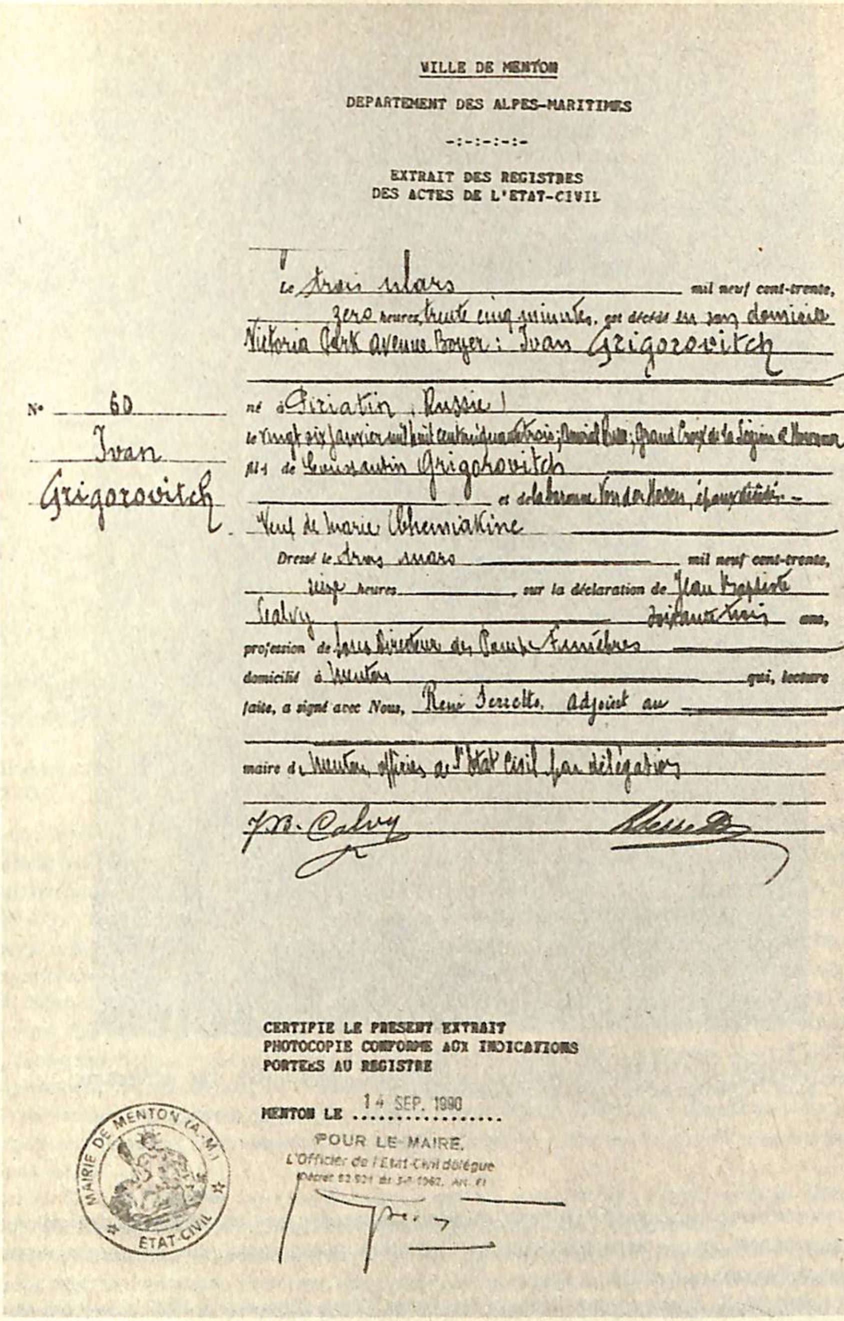
В процессе эмиграции 20—30-х годов немногочисленная русская община в Ментоне значительно пополнилась. Одна из трех церквей Ментоны — православная — стала постоянным местом встречи ее членов.

6 марта 1930 г. в стенах этой небольшой церкви состоялось отпевание тела покойного адмирала И. К. Григоровича, после чего небольшая траурная процессия направилась за гробом бывшего морского министра по единственной тогда улице Ментоны к крематорию. Прах адмирала и сейчас покоится в нише-склепе колумбария на кладбище в Ментоне.

Со смертью Ивана Константиновича закончился род потомственных дворян Григоровичей по мужской линии, отсчитывавший свое начало с 1561 г.— года рождения Степана Григоровича, представителя одного из польских родов Григоровичей герба «Любич». Его сын Иван Степанович еще служил в Польше, а внук Григорий Иванович в 1661 г. «вошел с сыном Никитою в Россию» при царе Алексее Михайловиче (1645—1675). Никита Григорьевич становится сотенным, а с 1764 г.— товарищем войскового атамана Днепровского казачества. Его сын Иван Никитич (1757—1832) состоял на военной и государственной службе и доводился адмиралу И. К. Григоровичу дедом [13]. 29 марта 1810 г. И. Н. Григорович с потомством пожалован указом Александра I «на дворянское достоинство, службой и чинами приобретенное, а также дипломом и гербом, с коих копии хранятся в Герольдии» [14].

Как рассказывает внучка И. К. Григоровича Наталья Викторовна, она узнала о смерти деда весной 1930 г. от своей подруги, работавшей в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, которая прочла об этом в одной из французских газет, регулярно поступавших в библиотеку. Переписка с дедом уже была запрещена.

29 декабря 1930 г. мать Натальи Викторовны Марию Ивановну Карцову (урожденную Григорович)



VILLE DE MENTON

DEPARTEMENT DES ALPES-MARITIMES

-:-:-:-:-

EXTRAIT DES REGISTRES
DES ACTES DE L'ETAT-CIVIL

N° 60
Ivan Grigorovitch

Le trois mars mil neuf cent-trente,
zero heures trente cinq minutes, est décédé en son domicile
Victoria Park avenue Boyer : Ivan Grigorovitch
né à Giriatin (Russie)
le vingt six janvier mil huit cent cinquante trois; Amiral Russe; Grand Croix de la Légion d'Honneur
fils de Constantin Grigorovitch
et de la baronne Von der Hoven, époux décédés —
Veuf de Marie Cheremiakine

Dressé le trois mars mil neuf cent-trente,
vingt heures, sur la déclaration de Jean Baptiste
Calvy soixante trois ans,
profession de sous Directeur des Pompes Funèbres
domicilié à Menton qui, lecture
faite, a signé avec Nous, René Ferretti, adjoint au
maire de Menton, officier de l'Etat civil par délégation

J.B. Calvy

CERTIFIE LE PRESENT EXTRAIT
PHOTOCOPIE CONFORME AUX INDICATIONS
PORTEES AU REGISTRE

MENTON LE 14 SEP. 1990

POUR LE MAIRE,
L'Officier de l'Etat-Civil délégué
Décret 62.921 du 3-8-1962, Art. 41

MAIRIE DE MENTON (A.-M.)
ETAT-CIVIL

Свидетельство о смерти И. К. Григоровича.

арестовали. На следующий день взяли брата Андрея и отца Виктора Андреевича Карцова.

Андрей страдал с детства эпилепсией. В младенчестве нянька неосторожно ударила его головой о косяк двери. Лечил Андрея доктор Астватацуров, услугами которого в свое время пользовался и И. К. Григорович. Но и неизлечимая болезнь не могла тогда стать препятствием для репрессий. Судила их одна из «троек», образованных при Ленинградском управлении НКВД. За время следствия, длившегося около 2 лет, они сидели в печально известных «Крестах». Мария Ивановна была осуждена по ст. 58-10 УК РСФСР на 10 лет с отбыванием срока наказания в одном из северных лагпунктов ГУЛАГа. Ее муж Виктор Андреевич и сын Андрей были высланы в Архангельск. 19-летняя дочь Наталья Викторовна, работавшая на Путилов-

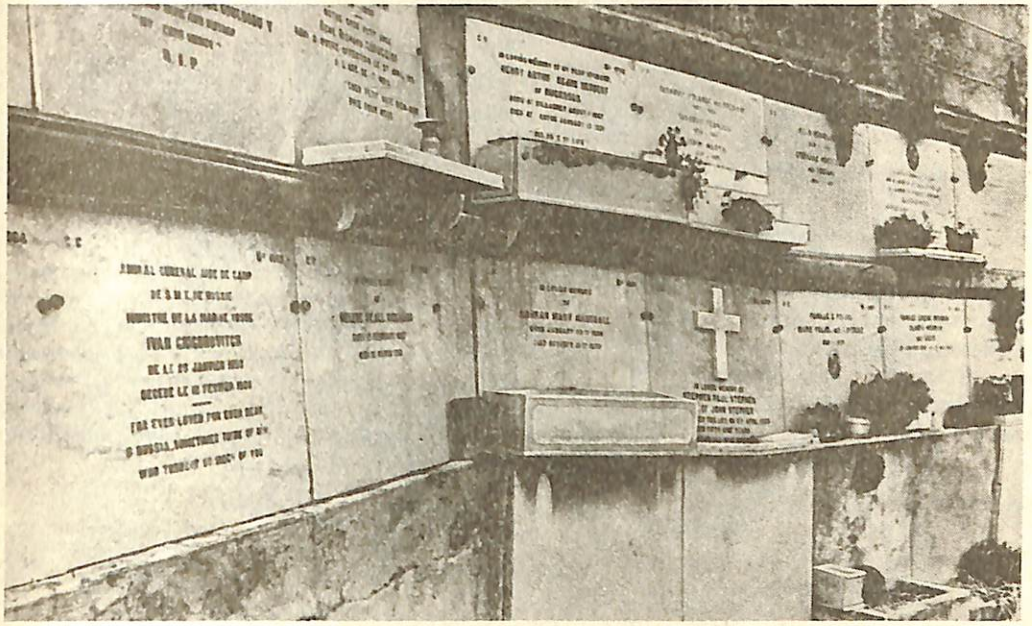
Русская православная церковь в Ментоне (Франция), где отпевали И. К. Григоровича (современный снимок).

ском заводе пирометристом, случайно избежала ареста, находясь в ночной смене. На заводе ее заставляли отречься от родителей, но она наотрез отказалась, а старый мастер-литейщик по-дружески посоветовал ей не появляться больше на работе.

Младшая дочь И. К. Григоровича Наталья Ивановна (Туля-старшая) в 1923 г. вышла замуж, жила отдельно от Карцовых и носила другую фамилию, что, по-видимому, и спасло ее от ареста.

В 1933 г. Мария Ивановна была неожиданно освобождена с правом проживания в любом городе страны. Она вернулась в Ленинград, ей возвратили жилплощадь, но муж и сын продолжали отбывать срок ссылки в Архангельске. Пришлось квартиру в Ленинграде обменять на квартиру в Архангельске. Вскоре к ним приехала Наталья Викторовна. Вся семья была в сборе. Виктор Андреевич устроился на работу в Водный кадастр Архангельского порта. Казалось, беды остались позади. Но в 1936 г. скоропостижно умирает Виктор Андреевич, а Андрея снова арестовывают. На этот раз он навсегда исчезает в бесчисленных лагерях ГУЛАГа.

Мария Ивановна пережила в Архангельске войну и умерла в 1963 г. Наталья Викторовна долгое время работала на одном из предприятий города, в 1987 г. ушла на пенсию и по-прежнему живет в Архангельске.



Колумбарий на кладбище в Ментоне (Франция), где покоится прах И. К. Григоровича (надгробная плита слева внизу).

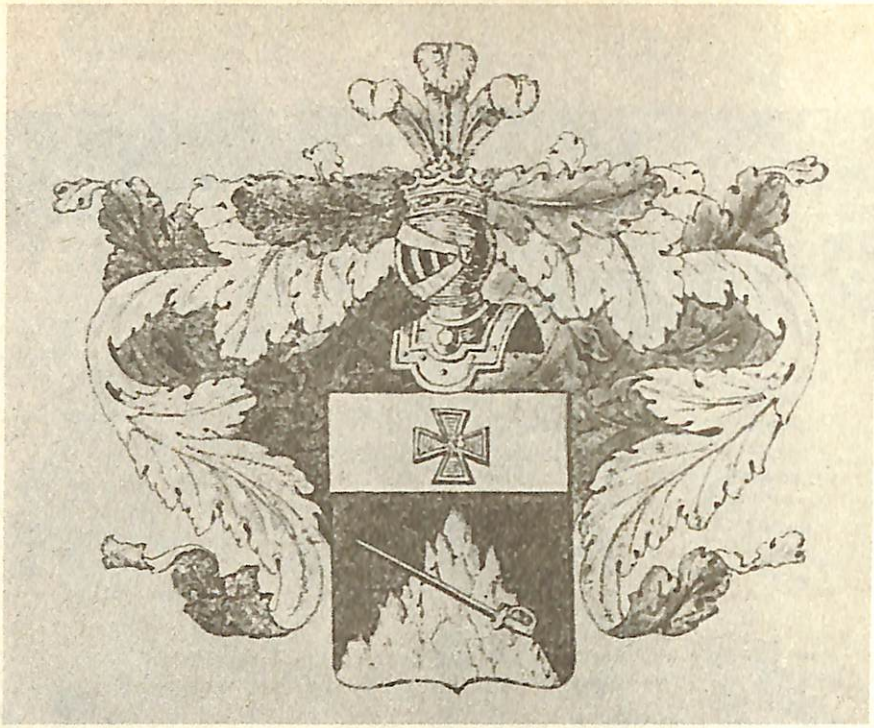
Младшая дочь И. К. Григоровича Наталья Ивановна вышла в Ленинграде замуж за инженера В. Л. Панина. Накануне Великой Отечественной войны 6 мая 1941 г. в возрасте 50 лет Вадим Львович неожиданно умер, оставив жену и пятерых детей — Марину (1924 г. р.), Вадима (1925 г. р.), Аллу (1928 г. р.), Киру (1929 г. р.) и Ольду (1934 г. р.). С началом войны Наталья Ивановна с детьми эвакуировалась из Ленинграда в г. Киров (бывш. Вятка). В 1943 г. там от туберкулеза легких умерла Марина, а в 1945 г. в военном госпитале скончался Вадим. После войны Наталья Ивановна с тремя детьми возвратилась в Ленинград. Жилось трудно, спасибо адмиралу Н. Г. Кузнецову, который помог выхлопотать небольшую пенсию за отца. Наталья Ивановна в 1950—1960 гг. работала библиографом в библиотеке Военно-морской академии, свободно читала с листа на трех языках. Она умерла в 1964 г., прожив всего 63 года.

Так случилось, что три ее дочери — Алла Вадимовна, Кира Вадимовна и Ольда Вадимовна — оказались тоже связанными с флотом по работе. Первая долгое время работала в одном из институтов ВМФ, вторая — в Ленинградском Нахимовском училище и третья — в Военно-морской академии. Алла Вадимовна умерла в 1990 г.

Внучки И. К. Григоровича оказали большую помощь в подготовке к публикации «Воспоминаний бывшего морского министра», за что приносим им нашу искреннюю благодарность.

Закончив публикацию «Воспоминаний» И. Г. Григоровича и краткого очерка о его жизни, позволим выразить надежду, что читатель убедился, насколько интересным в истории отечественного судостроения является период строительства русского флота накануне и во время первой мировой войны и как велика при этом была роль морского министра. Но этот период, как видно, привлекает к себе внимание не только бурным развитием судостроения и отраслей промышленности, непосредственно связанных с ним, а также множеством других вопросов, касающихся страны в целом, а именно: зигзагами внешнеполитического курса и финансовыми возможностями самодержавия, идеями, положенными в основу военно-морской доктрины России, планами войны на море и воплощением их в судостроительных программах и, наконец, функционированием структур третьеиюньской политической системы в процессе строительства флота. Это наглядно показывает, насколько большое влияние оказывают затраты на строительство флота на все без исключения стороны жизни государства.

Корабли, которые удалось ввести в строй в период первой мировой войны и достроить после революции, оказались кораблями-долгожителями. Они составили 100% линейных кораблей, 40% крейсеров и 30% эскадренных миноносцев общего количества кораблей этих классов, с которыми советский ВМФ



Фамильный герб «Любич» рода Григоровичей. (Из Общего гербовника дворянских родов Российской империи).

встретил Великую Отечественную войну, и вынесли не себе основную тяжесть боевых действий на море, а 305-мм орудия, снятые в свое время с линкора «Петропавловск», до сих пор несут боевую службу на острове Русский у Владивостока.

Через три четверти века Россия наконец обрела возможность вспомнить о человеке, который «так много думал о ней», под чьим руководством был создан флот, просуществовавший до начала 50-х годов.

Список литературы

1. *Блок А.* Последние дни императорской власти. Пг., 1921.
2. ЦГАВМФ. Ф. 701. Сп. 1. Д. 1. (Приказ по армии и флоту № 14 от 31 марта 1917 г. об увольнении в отставку адмирала И. К. Григоровича).
3. *Цветков И. Ф.* Гвардейский крейсер «Красный Кавказ». Л., 1990.
4. *Витте С. Ю.* Воспоминания. В 3-х тт. Т. 3. М., 1960.
5. *Шацилло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906—1914 гг.). М., 1968.
6. ЦГАВМФ. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1646. Л. 55 (Письмо следователя Воронова о котлах Бельвиля).
7. *Крылов А. Н.* Воспоминания и очерки. М., 1956.
8. ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 73 (Рукопись «Воспоминаний бывшего морского министра»).
9. Архив Военно-медицинского музея в Ленинграде. Фонд начальника кафедры нервных болезней ВМА, дивизионного врача профессора М. И. Аствацатурова. Документы № КОФ-1/34717, КОФ-1/34740, 24/39378 (Приказы о назначении на должность и автобиография).
10. ЦГАВМФ. ф. 701. Оп. 1. Д. 2. Л. 14—15 (Перечень документов, необходимых для выезда за границу).
11. ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 (Справка № 4 от 14 апреля 1924 г. об отказе в разрешении на выезд).
12. ЦГАВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 558. Л. 34—35 (Письмо А. В. Домбровскому от 22 мая 1924 г.).
13. ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 63. Л. 23—24 (Родословная роспись Григоровичей).
14. Общий гербовник дворянских родов Российской империи. Ч. 9. Л. 155 (Описание заслуг и герба, дарованного Ивану Никитичу Григоровичу Александром I).

И. Ф. ЦВЕТКОВ

№ 1

Метрическое свидетельство о рождении И. К. Григоровича
(ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 78. Л. 4)

В метрической книге православной русской церкви Св. Великомученицы Екатерины [1] г. С.-Петербурга, что при Императорской Академии художеств, за 1853 год под № 1 значится: 26 января рожден, а 22 августа крещен Иоанн — сын капитана 1 ранга командира 5-го Флотского экипажа Константина Ивановича Григоровича и законной жены его Марии Егоровны православного вероисповедания. Таинства крещения совершали священник Илья Денисов с дьяконом Песоцким. Восприемниками были: конференц-секретарь Академии художеств статский советник Василий Иванович Григорович [2] и жена тайного советника Василия Александровича Шереметева Юлия Васильевна.

Священник И. Денисов
Дьякон П. Песоцкий

№ 2

Метрическое свидетельство о браке И. К. Григоровича
(ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 78. Л. 8)

В метрической книге русской православной Кронштадтской морской Богоявленской церкви за 1884 год под № 10 значится: 18 апреля 1884 г. повенчаны лейтенант 7-го Флотского экипажа Иван Константинович Григорович первым браком 31-го года с дочерью управляющего Кронштадтской таможни статского советника Николая Ивановича Шемякина девицею Марией Николаевной 26 лет. Таинства брака совершали протоиерей Порфирий Строкин с дьяконом Петром Сперанским. Поручителями были: по жениху лейтенант 4-го Флотского экипажа Владимир Осипович Бэрг и лейтенант того же экипажа Эрнст Иванович Браузер; по невесте лейтенант 4-го Флотского экипажа Карл Герасимович Петц и смотритель Кронштадтского морского госпиталя капитан 1 ранга Федор Федорович Повалишин.

Протоиерей П. Строкин
Дьякон П. Сперанский
Псаломщик Н. Виноградов

№ 3

Метрическое свидетельство о рождении дочери
И. К. Григоровича Марии Ивановны
(ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 78. Л. 75)

В метрической книге русской православной Кронштадтской морской Богоявленской церкви записано: 22 февраля 1885 года родилась и того же года 1 апреля крещена Мария. Родители: лейтенант 7-го Флотского экипажа Иван Константинович Григорович и законная жена его Мария Николаевна, оба православного вероисповедания. Восприемниками были: управляющий Кронштадтской таможней статский советник Николай Иванович Шемякин, вдова умершего контр-адмирала Константина Ивановича Григоровича Мария Егоровна [3], а вместо нее при купели находилась дочь генерал-майора Семена Ивановича Подушкина Анна Семеновна. Таинства крещения совершал протоиерей Иван Цветков с дьяконом Поспеловым.

Настоятель Морского Николаевского собора протоиерей Архангельский

№ 4

Метрическое свидетельство о рождении дочери И. К. Григоровича Натальи Ивановны (ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 78. Л. 7)

В метрической книге русской православной Михайло-Архангельской церкви в городе Канне под № 1 показано: 19 декабря 1901 г. родилась и 30 января 1902 г. крещена Наталья. Родители ее: капитан 1 ранга И. К. Григорович, командир броненосца «Цесаревич» и законная жена его Мария Николаевна, урожденная Шемякина, оба православные. Восприемниками были: вице-адмирал Николай Иванович Стромилов, лейтенант Алексей Федорович Данилов, дочь капитана 1 ранга И. К. Григоровича девица Мария Ивановна Григорович 16 лет, баронесса Екатерина Егоровна Ховен [4].

Член консистории
архимандрит Павел

№ 5

Письмо И. К. Григоровичу от дочери Марии Ивановны (1885—1963) в Порт-Артур из С.-Петербурга от 20 июня (3 июля) 1904 г. (ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 37. Л. 16—18)

Дорогой папочка!

Сейчас получила твою телеграмму от 8 июня (1904 г.— *И. Ц.*). Это такая большая радость! Ужасно счастливы, что ты получил нашу телеграмму, сегодня отправили другую.

Вчера получили и твое письмо из Чифу [5]. Хотя и старое, но оно доставило нам огромное удовольствие: ждем с нетерпением еще. Посылаю тебе фотографии Тули [6]; я снимала ее сама. Вышло неважно, но они дадут тебе маленькое понятие, какая она стала красивая и как выросла. Получили письмо от принцессы [7]; ты не можешь себе представить, как сердечно и часто она пишет. Они приедут сюда в конце июля нынешнего года. Получили также письмо от бабушки (Марии Егоровны из Ревеля.— *И. Ц.*), она страшно счастлива, что ты адмирал [8]. Воображаю, как ты доволен, что «Цесаревич» починен; здесь все говорят с убеждением, что это немыслимо [9]. Мы, верно, в конце этого месяца поедем в Ревель. У нас удивительная погода — десять перемен в день: то солнце, то дождь. Искренне молимся, дорогой, чтобы эта ужасная война скорей окончилась и чтобы ты, наш голубчик, скорей благополучно вернулся. Да хранит тебе Господь. Мы все крепко, крепко тебя любим и мысленно с тобой.

Всей душой и сердцем любящая дочка Муля.
С.-Петербург. Сергиевская (ныне ул. Чайковского.— *И. Ц.*), 27.

№ 6

Письмо И. К. Григоровичу от В. А. Карцова [10] из Либавы от 30 ноября 1907 г. (ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 37. Л. 341—342)

Дорогой Иван Константинович!

Извините, что называю Вас так, но слова из песни не выкинешь, а поэтому продолжаю.

Дорогой Иван Константинович, я сейчас, точнее два часа тому назад, предложил Вашей дочери (Марии Ивановне.— *И. Ц.*) делить со мной радости и горе жизни, быть моим другом и женой. Она согласилась. Согласитесь ли Вы иметь в лице моем почтительного и любящего Вас сына? Я думаю, что да, так как до сих пор Вы выказывали свое расположение, которое, надеюсь, от меня не отымете.

Любящий Вас и глубоко преданный В. Карцов.
Порт Императора Александра III

№ 7

Телеграмма И. К. Григоровичу от 1 октября 1908 г. о назначении в Кронштадт (ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 1. Л. 16)

Командиру порта Императора Александра III контр-адмиралу И. К. Григоровичу повелеваем быть временно исполняющим должность Главного командира флота и портов и начальника Морской обороны Балтийского моря и военного губернатора города Кронштадта [11].

Николай II

№ 8

Телеграмма морского министра С. А. Воеводского в штаб Кронштадтского порта от 9 февраля 1909 года (ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 1. Л. 16а)

Контр-адмиралу Григоровичу. Государь Император соизволил назначить Вас товарищем морского министра. Поздравляю Вас от души и желаю полного успеха в новой деятельности на пользу флоту.

Воеводский

№ 9

Статья из газеты «Фигаро» [12] от 13/26 апреля 1911 г. под заголовком «Новый морской министр». Особая служба «Эхо» в Париже (пер. с франц. мой.— *И. Ц.*) (ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 82. Л. 4)

СПб., 13 апреля. По сообщению агентства «Дейли Телеграф» [13], адмирал И. К. Григорович, новый морской министр русского военного флота, придерживается совершенно новой политики в отношении строительства флота. Недавно он заявил о своей готовности работать в контакте с Советом Министров, что рассматривалось его предшественниками как совершенно невозможное. Он также стремится действовать в соответствии со взглядами Государственной думы и Государственного совета и пользоваться доверием их членов, как это уже делает военный министр.

Впервые за пять лет Дума проголосовала за кредиты на строительство линейных кораблей, но, согласно выдвинутому ей условию, морской министр представит проект особого закона для строительства каждого из них [14]. Таким образом надеются избежать перерасхода средств, что было правилом, когда за кредиты голосовали в целом.

В общем кредиты выделяются для строительства новых кораблей. В связи с этим адмирал И. К. Григорович разослал циркуляр, предписывающий всем заводам и офицерам, наблюдающим за строительством кораблей, ввести строгую экономию отпускаемых казной средств и требующий от них, в частности, избегать всяких расходов на корабли, не имеющие боевой ценности.

№ 10

Интервью вице-адмирала И. К. Григоровича, данное им специальному корреспонденту французской газеты «Фигаро» в С.-Петербурге г-же Лидии Липковской по поводу назначения на пост морского министра и опубликованное газетой 19 апреля/2 мая 1917 г. (пер. с франц. мой.— *И. Ц.*) (ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 82. Л. 5)

Сегодня наконец удалось провести интервью с новым морским министром вице-адмиралом И. К. Григоровичем, который по высочайшему повелению сейчас принимает энергичные усилия по возрождению морской силы России. Бывший командир эскадренного броненосца «Цесаревич» [15], торпедированного японцами при выходе из Порт-Артура, а затем главный командир Порт-Артурской военно-морской

базы, он прекрасно знает все трудности и неудачи, случившиеся после трагической гибели вице-адмирала С. О. Макарова.

Замечательные личные качества И. К. Григоровича, его методы руководства и глубоко продуманные решения проявлялись до последнего дня блокады Порт-Артурской крепости. Он произвел множество работ по установке минных заграждений, восстановлению разрушенных сооружений порта, ремонту кораблей, воодушевлял личным примером защитников Порт-Артура.

С первых же слов интервью, данного И. К. Григоровичем, понятно, что находящиеся в его компетенции и лежащие на его ответственности главные решения, которые он хочет реализовать, вступив на пост морского министра,— это шаг за шагом улучшать то, что он признает необходимым для быстрого развития военно-морских сил России.

«Без всякого сомнения,— подчеркнул И. К. Григорович,— что вопрос усиления Черноморского флота — главный, и на нем будет сосредоточено все наше внимание.<...> Хочу также определенно заявить,— продолжал он,— мы не собираемся запугивать Турцию, и уверяю Вас, что этого не будет никогда» [16]. Государственная дума и Государственный совет соглашаются сейчас выделить нам кредиты на постройку судов для Черного моря, они будут заложены немедленно после получения кредитов. Суда эти, возможно, пригодятся нам и на Балканах. Наш флот на Черном море будет на высоте тех задач, которые ему предстоит выполнить.

Но мы не можем пренебрегать и строительством Балтийского флота. Мы не питаем здесь никаких иллюзий — один Черноморский флот не спасет нас от предстоящих испытаний, каким бы сильным он ни был. На Балтике мы должны возродить морскую силу, способную при необходимости выйти в Атлантический океан и пройти через Гибралтар, Дарданеллы и Босфор в Черное море.

Далее морской министр ответил на мои вопросы.

Вопрос: Будут ли осуществляться одновременно две военно-морские программы или только одна для Черного моря?

Ответ: Несомненно, что будут осуществляться одновременно две программы, так как усиление Балтийского флота является настоятельной необходимостью. Хотя кредиты для Балтики, возможно, будут менее значительными, но они будут достаточными, чтобы начать дело. Что же касается Государственной думы, то она может быть уверена в нашей искренности и в реальности наших усилий. Убежден, что мы найдем понимание среди ее членов, которое нам так необходимо. Полагать противоположное — значит подвергнуть сомнению чувство патриотизма членов Государственной думы.

Вопрос: Каковы содержание и характеристика новых судостроительных программ?

Ответ: Я не могу дать разъяснений относительно идей, положенных в основу, так как они секретны. Однако скажу, что новые программы предусматривают строительство эскадренных миноносцев, крейсеров и особенно броненосцев нового типа. С другой стороны, достаточное место отведено подводным лодкам. Этот план предполагается выполнить за 20 лет [17]. К этому времени мы обретем очень важную и крупную военно-морскую силу, при этом однородную и мощную. Без всякого сомнения, она будет гораздо мощнее той, которой мы располагали в период русско-японской войны.

Вопрос: Что будет представлять собой конструкция кораблей и их вооружение?

Ответ: Это будут самые современные корабли, вооруженные новейшей артиллерией и усовершенствованными самоходными минами и аппаратами. Артиллерийские башни и броня для них уже заказаны на Ижорском заводе в Колпино, а артиллерия — на Обуховском.

Вопрос: Не думаете ли Вы обратиться к помощи иностранной промышленности?

Ответ: Этот вопрос находится в стадии проработки и на него нельзя сейчас дать окончательный ответ. Но некоторая помощь, по-видимому, будет оказываться и определенные заказы будут сделаны за границей. Мы думаем, что получим из-за границы много предложений, но, повторяю, пока ничего по этому вопросу окончательно не решено.

Морской министр ответил также на ряд вопросов, касающихся реорганизации Морского министерства. Как следует из ответов И. К. Григоровича, предстоят грандиозные реформы в Морском министерстве, которые благодаря энергии нового министра, надо полагать, будут успешно осуществлены. Реформы эти в общем сводятся к следующему:

— реорганизация учреждений Морского министерства, которая действует уже сегодня;

— централизация работы всех учреждений министерства под руководством одного лица — морского министра как главная задача;

— строгое, насколько это возможно, разделение функций между учреждениями министерства и создание новых технических подразделений и служб в составе ведомства. «Это единственное средство навести строгий порядок,— закончил интервью морской министр,— которое даст возможность осуществлять постоянный контроль за работой всех подразделений министерства».

№ 11

Из письма герольдмейстера Департамента герольдии
Правительствующего сената А. Живковича
И. К. Григоровичу от 25 ноября 1916 г.
(ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 78. Л. 18)

Указом Правительствующего сената Российской империи № 2802 от 30 сентября 1916 г. утверждено постановление Полтавского дворянского депутатского собрания от 26 августа 1916 г. о причислении генерал-адъютанта адмирала И. К. Григоровича и его дочерей Марии (по мужу Карцовой) и Наталии к дворянскому роду Григоровичей с внесением во 2-ю часть Дворянской родословной книги Полтавской губернии [18].

Герольдмейстер Департамента герольдии
Правительствующего Сената А. Живкович

№ 12

Телеграмма № 2704 от 28.02.1917 г.
Начальнику Морского штаба Ставки адмиралу А. И. Русину
от И. О. МГШ контр-адмирала графа А. П. Капниста
(ЦГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 960. Л. 33)

Положение к вечеру таково: мятежные войска овладели Выборгской стороной, всей частью города от Литейного до Смольного и оттуда по Суворовскому и Спасской (ныне ул. Рылеева.— *И. Ц.*). Сейчас сообщают о стрельбе на Петроградской стороне. Сеньорен-Конвент Государственной думы по просьбе делегатов от мятежников избрал комитет для водворения порядка в столице и для сношения с учреждениями и лицами. Сомнительно, однако, чтобы бушующую толпу можно было бы успокоить. Войска переходят легко на сторону мятежников. Автомобили толпа отбирает. У нас отобрано три автомобиля, в том числе Вашего превосходительства, который вооруженные солдаты заставили выехать со двора моей квартиры, держат с Хижняком (шофером.— *И. Ц.*), которого заставили править машиной.

Командование принял Беляев, но, судя по тому, что происходит, едва ли он справится. В городе отсутствует охрана, и хулиганы начали грабить. Семафоры порваны, поезда не ходят.

Морской министр болен инфлюэнцей (гриппом.— *И. Ц.*), большая температура — 38°, лежит, теперь ему лучше.

Чувствуется полная анархия. Есть признаки, что у мятежников плана нет, но заметна некоторая организация, например кварталы от Литейного по Сергиевской и Таврической обставлены их часовыми. Я живу в штабе, считаю, что выезжать в Ставку до нового Вашего распоряжения не могу.

Капнист

№ 13

Письмо военного и морского министра Временного
правительства А. И. Гучкова [19] И. К. Григоровичу
(ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 1. Л. 21)

22 марта 1917 г. Морской министр

По главному морскому штабу

№ 8393

Милостивый государь Иван Константинович!

Обстоятельства настоящего момента указывают на желательность подачи Вами прошения об отставке, которая будет принята Временным правительством.

С совершенным почтением А. Гучков

№ 14

Приказ по армии и флоту о военных чинах флота
и Морского ведомства № 4
(ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.)

31 марта 1917 г. г. Петроград

Увольняется от службы член Государственного совета адмирал И. К. Григорович по расстроенному здоровью с мундиром и пенсией.

Морской министр А. Гучков

№ 15

Справка Петроградского губернского отдела НКВД № 4
(ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 2. Л. 15)

14 апреля 1924 г. г. Петроград

Гр-ну Григоровичу Ивану Константиновичу

Настоящим Губотуправ объявляет, что в выдаче разрешения на право выезда за границу Вам отказано. Гербовый сбор в сумме 15 руб. марками взыскан.

Зам. отделением Губотуправа Палицкий

№ 16

Письмо И. К. Григоровича начальнику Морского штаба
Республики А. В. Домбровскому [20]
от 22 мая 1924 г.
(ЦГАВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 558. Л. 34—36)

В январе этого года я по настоянию врачей подал прошение в Смольный на предмет получения разрешения выехать в Германию для лечения на одном из курортов, где мои друзья, зная мое тяжелое положение, обещали оказать мне помощь...

Я предполагал пробыть в Германии не более 4-х месяцев и вернуться обратно в Россию. Разрешение я не смог получить в течение трех месяцев, а затем на эту мою просьбу последовал отказ, и мне предложили взять обратно в Смольном все документы...

Я представить себе не могу, какие могут быть причины. Никаких преступлений я за всю свою службу Империи не совершал, был всегда лоялен, и тем паче к Советскому правительству, никаких связей с белой гвардией никогда не имел...

Хочу добавить, что чувствую себя очень нехорошо, всю зиму сильно болел — воспаление легких и ушиб бедра от падения по слабости на улице. В этом состоянии моем я не буду иметь возможности даже заработать себе на кусок хлеба.

Я очень рассчитываю на Вас, что Вы не откажете мне в этой моей просьбе (о выезде за границу.— *И. Ц.*).

Уважающий Вас Григорович.

Петроград, Надеждинская, 11, кв. 25.

№ 17

Письмо заместителя начальника Управления КГБ СССР
по Ленинградской области по поводу архива И. К. Григоровича
№ 10/32 — 20500 от 27 октября 1989 г.

В Управлении КГБ СССР по Ленинградской области сведений об архиве Григоровича И. К. не имеется.

При аресте, согласно протоколу обыска от 27 декабря 1930 года, у Карцова Виктора Андреевича были изъяты переписка и 22 книги религиозного содержания. Каких-либо упоминаний об архиве Григоровича И. К. в следственном отделе по обвинению Карцова В. А. не имеется.

Следственное дело по обвинению Карцовой Марии Ивановны направлено для пересмотра в прокуратуру г. Ленинграда. Если в нем имеются какие-либо сведения об архиве Григоровича И. К., то мы Вам сообщим о них дополнительно, после возвращения следственного дела из органов прокуратуры.

Заместитель начальника Управления
КГБ СССР по Ленинградской области
В. Н. Блеер

№ 18

Письмо заместителя начальника Управления КГБ СССР по Ленинградской области по поводу архива И. К. Григоровича № 10/32 — П-73395 от 5 января 1990 г.

В дополнение к нашему письму № 10/32-20500 сообщаем, что в следственном деле по обвинению Карцовой Марии Ивановны каких-либо упоминаний об архиве Григоровича И. К. не имеется. При аресте, согласно протоколу обыска от 25 декабря 1930 года, у Карцовой Марии Ивановны изъято ничего не было.

Заместитель начальника Управления
КГБ СССР по Ленинградской области
В. П. Блеер

№ 19

Письмо из Парижа И. Цветкову № 1229 от 17 октября 1990 г.

Дорогой господин Цветков,

Вот фотографии могилы адмирала Ивана Константиновича Григоровича на кладбище в Ментоне, которые Вы пожелали получить.

Она в сущности представляет собой нишу-склеп, весьма обычное для нас захоронение. Без сомнения, тело адмирала было кремировано.

Прилагаю также ксерокопию свидетельства о смерти.

Прошу Вас, дорогой господин Цветков, принять мой сердечный привет.

Директор Морского музея
капитан 1-го ранга Франсуа Беллек

№ 20

Свидетельство о смерти. г. Ментона, Департамент Приморских Альп.

Извлечение из Актов гражданского состояния

Третьего марта тысяча девятьсот тридцатого года [21] в ноль часов тридцать пять минут скончался по месту жительства Виктория Парк, аллея Буайе: Иван Григорович, родившийся в Пирятине, Россия, двадцать шестого января тысяча восемьсот пятьдесят третьего года.

Русский адмирал, Большой крест Почетного легиона [22], сын Константина Григоровича и баронессы фон дер Ховен, супруг которой умер.

Составлено третьего марта тысяча девятьсот тридцатого года в шестнадцать часов по заявлению Жана Батиста Кальви, по профессии заместитель директора кладбища, проживающего в Ментоне, который,

прочтя сие, подписал вместе со мной, Рене Соррето, заместитель мэра Ментоны, представителем отдела Актов гражданского состояния.

Ж. Б. Кальви Р. Соррето

Печать

Заверяю настоящее извлечение, фотокопия соответствует архивным документам.
Ментона, 14 сентября 1990 г.
За мэра представитель отдела Актов гражданского состояния.
Декрет 62-921 от 3.8.1962. Ст.61

Подпись

№ 21

Из устных воспоминаний внучки И. К. Григоровича Н. В. Лариной
Литературная запись И. Ф. Цветкова
(ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 613. Л. 1—10)

Ко времени отъезда деда во Францию мне уже исполнилось 13 лет, и память прекрасно сохранила все, что было связано с ним за последние годы. Бабку я не помню совсем, она умерла, когда мне еще не было и двух лет.

Первые яркие впечатления детства относятся к 1915—1917 гг., когда родители стали брать меня с собой на воскресные обеды к деду, оставаясь там на весь день. Мы жили тогда в казенной квартире Морского корпуса, которая предоставлялась моему отцу как директору этого учебного заведения, а дед со своей младшей дочерью, моей теткой Натальей Ивановной, занимал тоже казенную квартиру в здании Главного Адмиралтейства. Эти поездки всегда были большой радостью для всей семьи и особенно для меня и моего семилетнего брата Андрея.

Помню, как обычно в воскресенье, во второй половине дня, мы всей семьей садились в служебный автомобиль и направлялись к деду. Сначала ехали по Николаевской набережной, затем поворачивали к Николаевскому мосту, пересекавшему Неву, и через Благовещенскую площадь выезжали на Конногвардейский бульвар, а там уж рукой подать до Адмиралтейского проспекта и здания Главного Адмиралтейства, тянувшегося вдоль него.

Квартира морского министра помещалась в восточном крыле Адмиралтейства, окна выходили на Зимний дворец, а вход был со стороны Дворцовой площади. Он как бы делил восточное крыло на две части — служебную и жилую. Квартира, если память мне не изменяет, состояла из 18 комнат. Она казалась мне огромной, и я всегда боялась там заблудиться. Комнаты помещались на втором этаже и тянулись от входа до конца восточного крыла, выходившего на Неву. В его торце помещалась спальня, окна которой выходили и на Зимний дворец, и на набережную Невы.

Особенно хорошо запомнился кабинет в жилой половине апартаментов морского министра, куда я часто бегала, когда дед там работал. Стены кабинета были отделаны панелями из темного дуба и заканчивались полками, где стояли модели военных кораблей. Темно-зеленые портьеры на окнах, на стене большая картина, изображавшая морское сражение, ковер посредине, в глубине у окна большой письменный стол и перед ним два глубоких кресла, обтянутых темно-зеленой кожей, такие же диваны вдоль стен, на полу большие часы с боем — таким кабинет деда и сейчас стоит передо мной, когда я на мгновение прикрываю глаза.

У входа в квартиру деда нас обычно встречал матрос, вестовой деда Григорий, одетый всегда по форме, с большими подкрученными на концах черными усами и Георгиевским крестом.

Обеды эти носили некоторый оттенок ритуальности и чопорности, присущий старым дворянским семьям. Нужно было обязательно соблюдать правила этикета, не баловаться за столом, правильно держать нож, ложку и вилку, пользоваться салфеткой и, естественно, быть аккуратно одетой и причесанной. Блюда доставлялись с первого этажа, где помещалась кухня и жилые комнаты для прислуги.

Моя тетка, Наталья Ивановна, ей было тогда 15—16 лет, казалась мне вполне взрослой барышней. Чтобы не было путаницы, ее звали Туля-старшая, а меня — Туля-младшая, у тетки была гувернантка-англичанка, и отличное знание английского языка, приобретенное благодаря ей, очень помогло Наталье Ивановне в трудные для нее послереволюционные годы. Кроме гувернантки в доме жили горничная и повариха-чухонка.

Дед часто работал по воскресеньям, и я всегда бегала в его рабочий кабинет. Дед никогда не ругал меня

за это, напротив, когда он разогревал красный сургуч для опечатывания конвертов с секретными, наверное, документами, то всегда шутил, что варит украинский борщ, и предлагал мне его попробовать.

Дед очень любил животных, особенно собак. У него в ногах, когда он находился в кабинете или гостиной, всегда лежал лохматый белый пес по кличке Там. Породу я точно вспомнить не могу, но, по-моему, это был белый терьер. Он был моим другом, спал в плетеной круглой корзине, которая стояла в спальной деда. Если мне нужно было спрятаться от няни, я забиралась в эту корзину, и тогда никто, кроме деда, не мог к нам подойти. В семье вообще помнили всех собак, живших когда-либо в доме, даже ту, которая была у деда во Франции во время строительства броненосца «Цесаревич». Она была поменьше Тама, но тоже белая и лохматая, звали ее Мурмашка. Дед долго горевал, когда Там на прогулке попал под колеса проезжавшего мимо экипажа.

В доме деда я часто видела дядю Костю — врача учреждений Морского министерства Константина Павловича Герцога, обычно лечившего деда, и дядю Леню — командира яхты морского министра капитана 1-го ранга Леонида Васильевича Ларионова. Хорошо помню флигель-адъютанта капитана 2-го ранга Вилькицкого. Он приезжал к деду после экспедиции и, зная, что Иван Константинович любит собак, привез ему в подарок большую черную лайку. Но собака была очень злобной, и деду пришлось от нее отказаться. Хотя до 1917 г. мы жили врозь и виделись лишь по воскресеньям, да и то не всегда, я очень привязалась к деду и полюбила его, чувствовалось, что эта любовь была взаимной. Однажды я попросила деда купить мне красные туфельки, которые были изображены на цветной картинке в одной из моих детских книжек. В следующее воскресенье мы снова приехали к деду, и он вручил мне желанный подарок, несмотря на протесты матери. Когда мы гостили у Марии Егоровны, матери Ивана Константиновича, и ее дочери Натальи Константиновны в Ревеле, мне подарили корзиночку с собачками из марципанов. Я оставила ее на балконе, а ночью шел сильный дождь и марципаны размокли. Моему детскому горю посочувствовал только дед, купив на следующий день такую же корзинку.

Ярко запечатлелось в памяти и лето 1916 г., когда наша семья жила у деда на его министерской даче на Каменном острове в Петрограде. Дача находилась на месте слияния Малой Невки и маленькой речки Крестовки, отделяющей Каменный остров от Крестовского. Она сохранилась, но состояние ее, как и всех других деревянных построек Каменного острова, оставляет желать лучшего. Я снова отыскала ее летом 1990 г., когда приезжала в Ленинград из Архангельска. Построена дача еще в 1836 г. архитектором Л. Шарлеманем, и мне кажется, что сейчас она доживает свои последние дни.

Завтракали мы всегда вместе с дедом, опаздывать было ни в коем случае нельзя. Каждый день в половине девятого утра, всегда в одно и то же время, он входил в столовую, где уже находились все жившие в это время на даче. После завтрака ему подавали черный автомобиль, и он уезжал в Министерство. А мы оставались на даче, беззаботно бегали по зеленым лужайкам Каменного острова, чинно гуляли с гувернанткой по аккуратным дорожкам парка, посыпанным желтым песком, увлеченно играли с детьми из соседней дачи. Ее занимали начальник Морского генерального штаба адмирал Александр Иванович Русин и начальник Главного морского штаба вице-адмирал Константин Васильевич Стеценко. Возвращался дед в семь часов вечера, к обеду, и почти всегда привозил с собой какой-нибудь небольшой подарок. Насколько мне помнится, война и надвигавшаяся революция совершенно нами не ощущались.

Зимой 1916/17 г. наши обычные визиты к деду еще продолжались, но ближе к весне ездить в автомобилях по улицам города стало опасно — их останавливали толпы вооруженных рабочих и солдат, высаживали пассажиров и отбирали автомобиль вместе с шофером.

События Февральской революции запечатлелись в моей памяти как переезд из казенной квартиры Морского корпуса. На всю жизнь мне запомнился и день 26 февраля 1917 г. Рано утром мать, брат, я и наша гувернантка-англичанка вышли из дома и пешком по набережной Невы направились к деду в Адмиралтейство. Улицы были пустынными, доносились звуки перестрелки. Когда мы вошли в здание Адмиралтейства, в вестибюле и на лестнице лежали спящие вооруженные солдаты. Перешагивая через них, мы с трудом добрались до дверей квартиры. Дед встретил нас как никогда сурово и сказал, что оставаться у него небезопасно. Но возвращаться назад тоже было нельзя — Морской корпус окружили возбужденные толпы солдат и матросов. Дед решил отправить нас к Бостремам, нашим хорошим знакомым. С нами пошли моя тетка Наталья Ивановна и ее гувернантка.

Иван Федорович Бострем был вице-адмиралом в отставке и занимал должность председателя правления Общества Николаевских заводов и верфей, находившегося в Петрограде. С его родственниками, которые тоже были репрессированы, мне довелось потом встретиться в Архангельске.

Хотя перестрелка еще не утихла, нам удалось благополучно добраться до квартиры Бостремов. Мы прожили у них около двух месяцев.

Вскоре деда, как и отца, уволили в отставку, и ему пришлось выехать из казенной квартиры в Адмиралтействе и снять временно номер в гостинице «Астория». Затем он переехал к Епанчиным и оставался там, пока наконец не удалось снять квартиру.

Я была очень обрадована, когда узнала, что родители решили снять квартиру вместе с дедом, но быстро отыскать что-нибудь подходящее было трудно, и нам некоторое время пришлось жить врозь. В конце

апреля 1917 г. отец и дед наняли квартиру из 11 комнат в частном доме (№11) на Надеждинской ул. (угол Ковенского переулка). В этом доме (в квартире № 22, а затем № 25) мы прожили вместе с дедом до его отъезда за границу.

Лето 1917 г. мы провели на даче в Мустамяках (ныне Горьковское) недалеко от Териок (ныне Зеленогорск). Гуляли, ходили за грибами вместе с дедом, вечерами сидели на балконе и слушали его увлекательные рассказы.

В начале 1918 г. в Петрограде начались повальные обыски. Однажды ночью и к нам пришли вооруженные солдаты и матросы, но, поговорив с дедом, обыск делать не стали, наоборот, оставили дежурить вооруженного матроса на случай, если с обыском придут другие люди. В последующие несколько дней этот матрос приходил к нам каждый вечер и оставался до утра. Когда в квартиру пытались вломиться вооруженные солдаты и красногвардейцы, чтобы произвести очередной обыск, ему каждый раз каким-то образом удавалось утихомирить их и благополучно выпроводить за дверь.

В конце 1918 г., когда было ликвидировано частное домовладение, от нас отобрали восемь комнат, оставив только три: две небольшие комнатки заняли дед и тетка, а наша семья из четырех человек поселилась в одной большой комнате.

Наиболее тяжелый для жителей Петрограда и, конечно, в первую очередь для нас была зима 1919/20 г. Без дров, без электрического света приходилось коротать длинные зимние вечера. В квартире замерзала вода по утрам, продукты стоили баснословно дорого.

Для обогревания и приготовления пищи в каждой комнате у нас были установлены печки-буржуйки. Топили мебелью, книгами и вообще всем, что попадало под руки. Мне нравилось сидеть в комнате деда перед печкой, когда он ее топил, приготавливать и подбрасывать в огонь «дровишки».

Вначале дед не работал и, сидя в своей комнате, писал воспоминания, а свободное время проводил со мной. Мы подружились еще больше, чем прежде. Когда я подросла и стала выполнять кое-какую домашнюю работу, одной из моих обязанностей стала забота о письменном столе деда, за которым он писал свои мемуары. Я вытирала пыль, выбрасывала ненужные деду бумаги, наливала чернила в чернильницу. Однажды, прибирая комнату деда, я увидела металлический образок Николая Чудотворца с вмятиной посредине. На вопрос, как появилась вмятина, он рассказал, что перед отъездом в Порт-Артур на войну с Японией моя бабка Мария Николаевна благословила его и зашила икону в нагрудный карман кителя. Во время атаки японских миноносцев дед находился на мостике, командуя эскадренным броненосцем «Цесаревич». Осколок японского снаряда ударил его в грудь и, пробив шинель и китель, был остановлен этой маленькой иконкой. Рассказывая мне эту историю, дед смотрел на портрет Марии Николаевны, стоявший на письменном столе, и я заметила, что глаза у него стали влажными.

Но, к сожалению, здоровье деда быстро ухудшалось. Особенно плохо он переносил зимние холода, когда дом не отапливался, а дров для печки-буржуйки не было. Однажды он упал от слабости на улице — постоянный голод на протяжении нескольких лет давал себя знать,— сильно повредил ногу и несколько месяцев не выходил из дому. Когда дед лежал в постели, он вызывал меня к себе свистком боцманской дудки. Если я не слышала свистка, мне говорили: «Наталья, дедушка свистит».

Одну зиму из-за отсутствия дров деду пришлось жить у Алексея Николаевича Крылова, академика, бывшего генерала, старого друга по Морскому министерству. Случилось это так. В начале 1920 г. из Кронштадта приехала группа военных моряков, среди которых был и А. Н. Крылов. Дед сидел в кресле, закутанный в плед, на голове — теплый шарф, на руках — митенки, при разговоре изо рта шел пар. Увидев, в каких условиях приходится жить бывшему морскому министру, Крылов сразу увез его к себе погостить. Вскоре он выхлопотал деду сухие дрова, ежемесячный паек для научных работников и устроил его на работу в Морскую историческую комиссию (Мориском) по обобщению опыта первой мировой войны.

Это может показаться странным, но дед никогда не брюзжал, не вспоминал прежнюю обеспеченную жизнь и не ругал большевиков. Он считал, что правительство само довело Россию до революции и теперь наступила расплата за пренебрежительное отношение к простому народу.

Вообще дед по мере своих сил старался вести здоровый образ жизни, несмотря на голод, холод и разруху. Он всегда вставал в 8 часов утра и даже обтирался по пояс холодной водой, по воскресеньям ходил в Преображенскую церковь к обедне, иногда бывал в гостях у Епанчиных вместе со мной.

С началом нэпа жить стало немного легче, открылись частные магазины, булочные, кондитерские, ожили рынки города. Дед начал рисовать картинки для коробок с тортами и витрин кондитерской «Ла Гурмэ», а я относила их в магазин, расположенный на углу Невского и Литейного. Выбегала из дома, быстро добиралась до Невского и через несколько минут уже была в кондитерской, где так вкусно пахло давно забытыми пирожными. Одновременно дед поступил на работу в Морской архив.

Казалось, жизнь стала медленно налаживаться, но деда стали одолевать головные боли. Они были настолько сильными, что он не мог ни читать, ни писать. Несколько раз по рекомендации доктора К. Н. Герцога он ходил на прием к профессору Михаилу Ивановичу Аствацатурову, с трудом добираясь до клиники нервных болезней Военно-медицинской академии на Лесном проспекте, 2. Как мне помнится,

диагноз был неутешительным: опухоль головного мозга, и дед начал готовиться к отъезду за границу для лечения. Я плакала и все время просила, чтобы он взял меня с собой. Дед успокаивал и говорил, что едет ненадолго и, как только вылечится, сразу возвратится домой. Заверения деда не были обманом, и позже, когда я стала взрослой, родители подтвердили мне это. Только начавшиеся в стране массовые репрессии, о которых, безусловно, знали за границей, стали препятствием для его возвращения на родину. Осенью 1924 г. дед уехал во Францию.

Вначале письма от деда приходили довольно часто, с одним из них он прислал свою фотографию с забинтованной головой, по-видимому, сразу после операции. Из писем нам было известно, что дед поселился в частном пансионе в курортном городке Ментоне, на юге Франции. Постепенно письма стали приходить все реже и реже, а вскоре переписка с заграницей была запрещена совсем.

О смерти деда мы узнали случайно, из какой-то французской газеты [23] в августе 1930 г., через несколько месяцев после его кончины. Моя мать заказала в Преображенском соборе заупокойную обедню и отпевание. Я горько оплакивала деда, но судьба готовила мне новый удар — арест отца и матери.

Ленинград — Архангельск,
апрель—май 1991 г.

КОММЕНТАРИИ

[1] Православная церковь Св. Великомученицы Екатерины числилась как домовая церковь Академии художеств. Используется не по назначению.

[2] В. И. Григорович — брат отца И. К. Григоровича, будучи конференц-секретарем Академии художеств, способствовал смягчению приговора, вынесенного Т. Г. Шевченко (1814—1861), который тогда учился в академии, за участие в Кирилло-Мефодиевском тайном обществе (1845—1847 гг.), преследовавшем цель национального самоопределения Украины, отмены крепостного права и создания всеславянской федеративной республики.

[3] Константин Иванович и Мария Егоровна Григоровичи — родители И. К. Григоровича.

[4] Екатерина Егоровна Ховен (Говен) — сестра матери И. К. Григоровича Марии Егоровны.

[5] Почта из Порт-Артура доставлялась на корабле в Чифу, а оттуда в Россию.

[6] Туля (старшая) — вторая дочь И. К. Григоровича Наталья Ивановна (1901—1964), родилась в Тулоне во время строительства эскадренного броненосца «Цесаревич», крещена в Канне, Туля (младшая) — дочь Марии Ивановны Наталья Викторовна (1911 г. р.) от брака с В. А. Карцовым.

[7] Дочь императора Вильгельма II кронпринцесса Цецилия; семья Григоровича познакомилась с ней во Франции во времена строительства эскадренного броненосца «Цесаревич».

[8] Звание контр-адмирала И. К. Григоровичу было присвоено 11 мая 1904 г. с вступлением в должность командира порта Порт-Артур.

[9] Подводную пробоину эскадренного броненосца «Цесаревич» заделывали без ввода в док, с помощью специального деревянного кессона.

[10] В 1907—1908 гг. В. А. Карцов в чине капитана 2-го ранга командовал эскадренным миноносцем «Генерал Кондратенко», а И. К. Григорович в чине контр-адмирала занимал должность командира порта Императора Александра III в Либаве. В. А. Карцов и М. И. Григорович повенчаны 10 февраля 1909 г. в соборе Св. Николая Чудотворца в Либаве.

[11] Фактически это была должность главного командира Кронштадтского порта (как она вскоре и стала называться), т. е. командира военно-морской базы. Но по традиции на Балтике не было командующего флотом, поэтому старшим из адмиралов на Балтийском море считался главный командир Кронштадтского порта.

На время летней кампании флотом в море командовали старшие флагманы 1-й и 2-й флотских дивизий, которые через ГМШ подчинялись управляющему Морским министерством. На зиму корабли переводились в вооруженный резерв, команды их распределялись по флотским экипажам и большую часть времени проводили в казармах на берегу, и флагманы снова переходили в подчинение главного командира Кронштадтского порта. В 1908 г. была введена должность начальника Морских сил Балтийского моря, на которую был назначен Н. О. Эссен, и должность главного командира флота и портов и начальника Морской обороны Балтийского моря стала именоваться проще — главный командир Кронштадтского порта. С началом войны командующий Морскими силами на Балтике становился командующим Балтийским флотом и ему в подчинение наряду с корабельным составом переходили все базы флота на Балтийском театре военных действий.

[12] «Фигаро» («Le Figaro») — старейшая французская ежедневная газета, издаваемая в Париже с 1826 г.

[13] «Дейли Телеграф» («The Daily Telegraph») — старейшая английская газета, издаваемая в Лондоне с 1855 г.

[14] Имеются в виду программы строительства линейных кораблей для Балтийского и Черного морей, где указывалась стоимость каждого корабля и ежегодные ассигнования на их строительство, выделяемые Государственным казначейством.

[15] И. К. Григорович принял командование эскадренным броненосцем «Цесаревич» во время его постройки во Франции в 1899 г., а затем перевел его в Порт-Артур, где он участвовал в боевых операциях 1-й Тихоокеанской эскадры в период русско-японской войны 1904—1905 гг.

[16] Принятие судостроительной программы для Черного моря было вызвано возможным усилением турецкого флота за счет предполагаемой покупки в Англии новейших линейных кораблей дредноутного типа.

[17] При дальнейшей разработке и согласовании судостроительных программ срок выполнения их был сокращен до 1916 г., одновременно сократилось и количество кораблей, намеченных к постройке.

[18] Родовое поместье Григоровичей в г. Пирятин Мозырского уезда Минской губернии (с 1802 г. по новому административному делению — Пирятинский уезд Полтавской губернии). Родословная роспись потомственных дворян Григоровичей герба «Любич» восходит к 1561 г.

[19] А. И. Гучков, так стремившийся занять пост военного и морского министра, оставил его 2 мая 1917 г. вместе с первым составом Временного правительства, проявив при исполнении обязанностей министра исключительную пассивность и перепоручив все дела своим помощникам генералу А. А. Поливанову (по сухопутной части) и контр-адмиралу М. А. Кедрову (по морской части). Министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков так характеризует его деятельность в этот период: «Во Временном правительстве Гучков не поддержал своей прежней репутации. Я ожидал встретить в нем союзника, но он держал себя в стороне, не часто участвовал в заседаниях кабинета и, очевидно, вел свою собственную линию. Она была не такова, чтобы я мог на нее опереться. Отчасти это объясняется его болезненным состоянием... Но главным образом приходилось объяснять это ослаблением воли и его пессимизмом по отношению к совершившемуся... Мало того, махнув рукой на окончательный исход и передоверив работу своему старому другу генералу Поливанову, он без особого усилия сдал те позиции, которые я считал возможным защитить в коренном вопросе о войне и мире. Скрывая от меня то, что делалось в его министерстве, он готовил мне, вопреки нашему соглашению, сюрприз своего преждевременного ухода».

Не лучше о нем отзывался и В. Д. Набоков: «Гучков с самого начала в глубине души считал дело проигранным и оставался только для успокоения совести... Ни у кого не звучала с такой силой, как у него, нота глубочайшего разочарования и скептицизма, поскольку вопрос шел об армии и флоте. Когда он начинал говорить своим негромким и мягким голосом, смотря куда-то в пространство слегка косыми глазами, меня охватывала жуть, сознание какой-то полной безнадежности. Все казалось обреченным».

[20] Домбровский Алексей Владимирович (1882—1954) окончил Морской корпус в 1901 г., Минный офицерский класс в 1909 г., Морскую академию в 1914 г. Участник русско-японской, первой мировой и гражданской войн. Тяжело ранен в бою 1 августа 1904 г. на крейсере «Россия». Последняя должность в Российском императорском флоте — командир линкора «Полтава» в чине капитана 1-го ранга. С июля 1918 г. начальник 1-й бригады линкоров, с января 1919 г. начальник штаба Балтийского флота, с июля 1920 г. начальник Морских сил Черного и Азовского морей, с 1921 г. начальник Морского штаба Республики, затем на преподавательской и научной работе.

[21] Дата смерти в свидетельстве указана по новому стилю, а дата рождения — по старому стилю. На надгробной плите обе даты указаны по старому стилю.

[22] Орден Почетного легиона имеет три степени: Офицерский крест Почетного легиона, Командорский крест Почетного легиона и Большой крест Почетного легиона. И. К. Григорович был кавалером всех трех степеней. Поскольку награждение осуществляется всегда строго последовательно, то достаточно указать только старшую степень ордена.

[23] Некролог, посвященный И. К. Григоровичу, был помещен также в парижской эмигрантской газете «Последние новости» (№ 3268 от 4 марта 1930 г.), издававшейся под редакцией П. Н. Милюкова, которая широко освещала все стороны жизни русского зарубежья.

М. Г. ВЕСЕЛОВ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФИЗИКА В ПЕТЕРБУРГСКОМ — ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Разделение физической науки на физику экспериментальную и физику теоретическую началось во второй половине XIX в. и связано с открытиями и разработкой таких общих теорий, как теория электромагнетизма и статистическая теория. Основоположники этих теорий — Джеймс Кларк Максвелл (1831—1879), Людвиг Больцман (1844—1901) и Джозайя Уиллард Гиббс (1839—1903). Разделение физики окончательно установилось в практике университетского преподавания и в научных исследованиях в первой четверти XX в. в результате создания теории относительности и квантовой теории в работах Макса Планка (1858—1947), Альберта Эйнштейна (1879—1955), Нильса Бора (1885—1962), Луи де Бройля (1892—1987), Вернера Гейзенберга (1901—1956), Эрвина Шрёдингера (1887—1961) и Поля Адриана Мориса Дирака (1902—1984). Сложный математический аппарат и фундаментальный характер этих новых теорий, охватывающих огромный круг явлений микромира и микрокосмоса, привели к разделению самих ученых на теоретиков и экспериментаторов и к росту относительного числа теоретиков на фоне общего увеличения численности ученых.

В годы, предшествующие научным открытиям XX в., среди петербургских ученых большим влиянием пользовался профессор университета Иван Иванович Боргман (1849—1914). Некоторое время он был первым выборным ректором университета, и ему принадлежит заслуга постройки при университете Физического института. И. И. Боргман был одним из организаторов Русского физико-химического общества и на протяжении многих лет — редактором первого отечественного физического журнала. Хотя он и не был теоретиком, он оставил по себе память как активный приверженец и пропагандист теории электромагнетизма. Среди его учеников — ряд известных профессоров, бывших пионерами научных исследований и преподавания физических основ электротехники и радиотехники в технических учебных заведениях Петербурга: чл.-корр. АН СССР М. А. Шателен (1866—1957), В. К. Лебединский (1868—1937), Б. Л. Розинг (1869—1933), акад. В. Ф. Миткевич (1868—1933) и др. Другим известным профессором университета был автор многотомного курса физики, вошедший в историю физики как блестящий лектор и популяризатор, Орест Данилович Хвольсон (1852—1934). Наряду с чтением общего курса физики он читал также лекции по теоретической термодинамике. Первым профессором теоретической физики в университете был Николай Александрович Булгаков (1867—1931), который преподавал теорию электричества и некоторое время после кончины И. И. Боргмана возглавлял Физический институт. Николай Александрович на самом деле был скорее математиком, чем физиком; его интересы лежали в области математической физики, и его научная деятельность не оказала заметного влияния на развитие теоретической физики.

Начало развития теоретической физики в университете связано с именем Пауля Эренфеста (1880—1933). Молодой австрийский теоретик, воспитанник Венского университета и ученик Л. Больцмана, П. Эренфест после защиты докторской диссертации и женитьбы на Татьяне Алексеевне Афанасьевой переехал в 1907 г. на жительство в Петербург. Здесь Эренфесты прожили около 5 лет до переезда в Лейден, где Эренфест, по рекомендации Г. А. Лоренца, унаследовал его кафедру теоретической физики. В Петербургском университете Павел Сигизмундович, как его называли по русскому обычаю, сдал магистерские экзамены, но ему не удалось получить постоянную педагогическую работу. Он принимал участие в деятельности Русского физико-химического общества, но главным делом петербургского периода его жизни была организация и руководство неофициальным физическим семинаром, который собирался на его квартире раз в две недели, а иногда и чаще. Этот семинар сплотил круг петербургских физиков, интересующихся проблемами современной физики. Широта знаний и научных интересов Эренфеста привлекали в семинар физиков разных поколений, а также представителей смежных наук — механики и математики. Детищем физического семинара Эренфеста стал физический кружок, объединивший молодых физиков университета, студентов и аспирантов, который собирался по воскресеньям в Физическом институте. Этот кружок функционировал несколько лет после отъезда Эренфеста, и последний в своих письмах в Петербург всегда интересовался деятельностью физического кружка.

Непосредственными учениками Эренфеста в Петербурге были выпускники университета Виктор